

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Очень большие ДЕНЬГИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Очень большие деньги

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Очень большие деньги / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Бывший наркокурьер сдал ФБР своего Хозяина и уехал из Америки в Москву. Хозяин послал за ним вдогонку сразу двух киллеров. Все, кто стоял на пути к беглецу были убиты. Полковник из МУРа Лев Гуров и Стас Крячко вышли на след киллеров...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Очень большие деньги

Глава 1

Все началось с того, что в один из теплых ясных дней на исходе сентября дежурная группа ППС из четырех человек выехала на происшествие, случившееся в районе Инженерной улицы, неподалеку от Алтуфьевского шоссе. Сигнал о происшествии поступил по рации и особого энтузиазма ни у одного из членов группы не вызвал. Криминальная бытовуха – это всегда головная боль и никакой прибыли. Милиционеры тоже люди и не менее прочих любят покой и безопасность. Искателей неприятностей среди них мало.

Была суббота, и многие граждане давно отдыхали. Настолько давно, что кое-кому отдых уже довольно сильно ударил в голову и вызвал желание разобраться, почему мир устроен так несправедливо. Обычно в таких случаях разбираются с домашними, которые рядом и потому отвечают за все – за пересоленный суп, за международное положение, за глупое начальство, за рост цен, за качество водки и еще за многое другое. В данном случае, по сообщению дежурного, некий электрик Иванченко разбирался с собственной супругой у себя дома – в типовой пятиэтажке – с применением огнестрельного оружия, а именно охотничьего ружья «ИЖ», о чем вроде бы свидетельствовали соседи, позвонившие в милицию. Им, видите ли, не нравилось, что на пятом этаже стреляют по стеклам мелкой дробью и сыплют невразумительными угрозами. При этом вроде бы жене Иванченко удалось самостоятельно выбраться из квартиры, и жизнь ее была вне опасности. Электрик, таким образом, бушевал теперь в полном одиночестве, но вряд ли от этого стал менее опасен. Ему не на ком было разрядиться – тем более что стекла в квартире он уже побил.

Правда, под рукой у него наверняка были еще мебель и бытовая техника. Предполагая это, старший патруля сержант Гусев не торопился. И вообще, прежде чем заехать в нужный двор, они остановили машину в переулке и немного посоветовались.

– Вроде не слышать выстрелов-то? – с тайной надеждой произнес самый молодой из четверки – милиционер Рукавишников. – Может, ложный сигнал? Или уже угомонился артист этот, электрик?

– Ты когда на грудь примешь, быстро успокаиваешься? – скептически поинтересовался у него сержант Личутин, который единственный в компании носил усы. – Раз человек за оружие взялся, значит, накалило у него. Ему в такую минуту все равно – милиция перед ним, прокуратура или сам господь бог. Момент истины называется.

– Момент истины у него наступит, когда он завтра на нарах сопلي размазывать будет, – мрачно заключил сержант Гусев. – Но это ты правильно сказал, что сейчас ему все равно, в кого пулять. А поэтому мы с вами должны все продумать. На амбразуру бросаться не будем, я думаю. Если положение серьезное – сразу вызываем подмогу. Пусть специалисты огневые точки берут. А мы реагируем в пределах своей компетенции. Возражения есть?

– Возражений нет, – подхватил сержант Личутин. – Короче, сейчас все выясняем на месте, успокаиваем граждан, а если обстановка позволяет, то и вступаем в переговоры с нарушителем. Я правильно понимаю?

– Ну, в общих чертах все правильно, – согласился Гусев. – А ты, Рукавишников, все понял? Никакой самодеятельности, а тем более баловства с табельным оружием. Оружие на то и оружие, оно и незаряженное раз в год стреляет.

– Да я чего? – засмутился молодой Рукавишников. – Я и сам не люблю.

– Вот и хорошо, – кивнул Гусев. – А то последнее время до черта жалоб развелось. Менты, мол, совсем обнаглели: чуть что – за оружие хватаются. Да и если честно, то мало дураков, что ли? Один подозреваемого грохнул ни с того ни с сего, другой по пьянке кореша завалил, третий с соседом бабу не поделил... На последней летучке начальство на этот вопрос сильно напирало.

– Начальству легко, – неожиданно сказал Личутин. – А людей тоже понять надо. Наша служба, как сказано, и опасна, и трудна. Ночей не спишь, жизнью рискуешь. А кого это, извиняюсь, колышет? В Чечне, считай, каждый второй побывал. Это тоже даром не проходит. И одни менты обнаглели, что ли? Жуть берет, что вокруг делается. Поневоле за пушку хвататься будешь.

– Ну, это все философия, – жестко заметил Гусев. – В нерабочее время я тоже не против пофилософствовать. А сейчас...

– Вот что касается оружия, тут я вам одно скажу – пока не подопрет, ты и сам не знаешь, на что способен, – вдруг заявил молчавший до сих пор водитель Хряпов, мужчина лет сорока, замкнутый с виду, с начинающими сидеть висками. – И я на этого электрика, который жену дробью шугает, совсем не удивляюсь. Эти бабы могут до чего угодно довести. Я свою швабру сам раз десять собирался прикончить, пока не догадался развестись. В метраже потерял, конечно, зато вздохнул спокойно.

– Ты чему нашу смену учишь, Хряпов? – недовольно произнес Гусев, который чувствовал некоторую ответственность за молодого Рукавишников. – Молодых на положительных примерах воспитывать надо, на морально устойчивых товарищах. А что они вынесут из твоих речей?

– Да ладно, Никитич, мораль читать! Я говорю, как оно в жизни бывает. А молодежь пускай мотает на ус, чтобы не повторять наших ошибок... А ты лучше погляди, Никитич, какая парочка! Вон из подъезда напротив вышли. Черные которые. Зуб даю – без регистрации проживают в столице нашей родины! А прикид на них, между прочим, первого класса!..

Все остальные тут же уставились на двоих незнакомых мужчин, которые только что вышли из подъезда дома напротив. Они и правда были смуглы и очень неплохо одеты. «По-европейски! Костюмчики небось за тысячу баксов, не меньше! – с завистью подумал молодой Рукавишников, разглядывая незнакомцев. – У одного вроде даже печатка на пальце – отсюда видать – здоровая. Торгаши небось... Да еще нездешние – регистрации наверняка нету. Вон как в нашу сторону зыркнули – точно совесть нечиста!»

Рукавишников вопросительно посмотрел на старшего. Гусев недовольно поморщился.

– На что намекаешь, Хряпов? – спросил он. – Мне какое дело, есть у них регистрация или нет? Мы здесь по конкретному делу.

– Не скажи, Никитич! – упрямо покачал головой Хряпов. – Забыл, как нас каждый день накачивают – бдительность и еще раз бдительность? Терроризм еще никто не отменял. Ты сегодня поленился у подозрительного гражданина регистрацию проверить, а завтра он Манеж взорвал.

– Так, значит? – прищулив один глаз, сказал Гусев.

Хряпов пожал плечами.

– Смотри сам.

Гусев посмотрел. Двое по-прежнему стояли возле подъезда и о чем-то озабоченно переговаривались. У обоих в зубах дымились сигареты.

– Точно черные, – авторитетно сказал Рукавишников. – Особенно который в песочном костюме. Натуральный кавказец.

– Да ни хрена он не кавказец, – возразил Личутин. – Он больше на этого похож, на индуса... У меня жена индийское кино обожает. Она их тысячу пересмотрела, ну и я заодно. Вот там один здорово на этого похож.

– Нет, он не на индуса, – покачал головой Гусев. – Он скорее на этого похож, из голливудского боевика... Ну, на этого, как его... Да вы все его смотрели! Там они еще в поезде чего-то бегали с пушками. И все взрывалось на хрен! Ну что, не помните, что ли?

– Ну ты объяснил, Никитич! – засмеялся Хряпов. – Они там все бегают и взрываются. Только тут не кино, и чего от этих ждать – еще большой вопрос. Ты на их хари погляди! Откуда здесь индусу взяться? Типичные абреки! Гляди, как глазами зыркают!

Незнакомцы Гусеву тоже не понравились. Смуглые они были чересчур, не по-нашему. И еще невооруженным глазом было заметно, что они как-то не так косятся на патрульную машину. Вообще-то Гусев давно к этому привык – в наше время милиция мало у кого вызывает уважение, и в этих косых взглядах не было ничего исключительного. Гусев не считал, что виновата милиция, – просто время такое пришло. Уважение вообще стало дефицитом. Каждый сам себе голова, и чтобы заставить себя уважать, нужно обязательно сначала напугать хорошенько. Гусев не думал, что у этой парочки динамит за пазухой, – уж слишком роскошно они для этого были одеты. А вот с деньгами у них наверняка полный порядок, и припугнуть их стоило, хотя бы для того, чтобы с большим уважением смотрели на людей в погонах. Только сделать это надо было тонко, чтобы не наломать дров. Тем более что они сейчас на задании.

– Короче, так сделаем, – сказал он как бы совсем равнодушно. – Мы с Хряповым сейчас на происшествие, а Личутин с Рукавишниковым проверяет документы у этих «индусов». Только чтобы все было в рамках, поняли? Как учили. А потом быстренько к нам!

– Нам, татарам, все равно, – сказал Личутин. – Можно и проверить. Только что делать, если у них и в самом деле с регистрацией проблемы?

– А ты не знаешь, что делать? – уничтожающе произнес Хряпов и тут же умоляюще сказал Гусеву: – Эх, Никитич! Кому ты такое дело доверил? Давай-ка сам! Минутное же дело!

– Дело как дело, – сердито буркнул Личутин. – Не хуже тебя знаем эти дела. Пошли, Рукавишников! Учителей до хрена развелось! – Ему на самом деле совсем не хотелось разбираться с пьяным электриком. Безоружные аккуратные люди с пухлым бумажником нравились ему куда больше. К тому же у них действительно могли оказаться проблемы с регистрацией.

Личутин открыл дверцу и ступил на асфальт. Молодой Рукавишников поспешно выбрался за ним. Хряпов с сожалением покачал головой, нажал на газ и развернул машину в проезд между домами.

Но пока они спорили, парочка успела разойтись. Точно что-то почувствовав, мужчины с сигаретами развернулись и зашагали в противоположные стороны. А еще через секунду один из них вдруг нырнул в ближайший двор и исчез. Второй, на котором был песочного цвета костюм, быстро шагал по тротуару к перекрестку.

– Как тараканы разбегаются! – проворчал Личутин. – Давай, Рукавишников, за тем, который в пределах видимости, а я пока этого шустрого поищу. Что-то мне не нравится, как быстро он смылся!

Рукавишников кивнул и бодро припустил вдогонку за человеком в песочном костюме. Личутин поправил кобуру на поясе и, зорко оглядевшись, пошел туда, где, по его расчетам, должен был находиться второй подозрительный тип. Теперь он был на сто процентов уверен, что у этих двоих совесть нечиста. На глаз трудно было решить, что здесь такое – проблемы с регистрацией или кое-что посерьезнее. Зря, наверное, не послушали Хряпова, подумал Личутин, а он как в воду смотрел. Если бы сразу их прижать, то никаких проблем бы и не было. Глядишь, еще кое-что на карман положили бы. Но Гусев рассудил по-другому. Личутин его понимал – Гусеву положительная характеристика сейчас больше всего нужна, он в юридический поступать собирается, на повышение квалификации. Глядишь, и вырастет в будущем в начальника отдела. А зачем будущему начальнику отдела пятна в биографии? Рукавишников еще совсем мальчишка, может что-то не так понять, да и с Личутиным у Гусева отношения не слишком приязненные. Не доверяют они друг другу, что тут поделаешь! Такие вещи слу-

чаются сплошь и рядом. Так что Личутин Гусева отлично понимал. Тот как бы давал понять – «черных» пощипать можно, но только он лично тут ни при чем. Получится – он в доле, не получится – его хата с краю. Наверное, на месте Гусева так поступил бы каждый. Все дело в том, что профессия у них специфическая: и честь мундира соблюсти нужно, но и семью кормить тоже надо. Как хочешь, так и вертись.

Однако теперь приходилось бегать по дворам, как мальчишке, потому что момент был упущен. Личутин начинал злиться, потому что не любил выглядеть смешным, а что может быть смешнее милиционера, потерявшего след?

Он быстрым шагом прошелся вдоль дома, где на клумбах перед фасадом оранжевым огнем отгорали последние астры, и остановился, нахмурившись. В первую минуту ему показалось, что он упустил того, за кем гнался. Но вдруг метрах в тридцати от него за стеклянной дверью аптеки мелькнул стального цвета пиджак – точно такой, как на том мужике. Личутин сдвинул брови, озабоченно пригладил усы и двинулся к аптеке.

Он вошел внутрь и сразу обрадовался – этот тип был здесь. Он стоял возле витрины с лекарствами и разглядывал яркие пакетики с лекарственными травами. Только без очков было видно, что травы эти были ему необходимы как корове седло. Этот парень был далеко не травоядным. «С такой гладкой харей он, наверное, одни бифштексы жрет с картошкой! – неприязненно подумал Личутин. – Да сметаной закусывает. Кто же он, интересно, по национальности? На южанина похож, но не кавказец, точно. Может быть, грек? Сейчас все выясним!»

Незнакомец был смугловат и, пожалуй, красив для мужчины – четкие, чуть угловатые черты лица, медальный профиль, крепкий подбородок, густые черные волосы. Но назвать этого человека красавчиком язык не поворачивался – слишком холодным и даже мрачным было выражение его лица, и как-то чересчур странно смотрели его глубокие темные глаза. Личутин мог бы поклясться, что это глаза прирожденного убийцы – ему доводилось такие видеть. От их взгляда мурашки сами собой бегут по всему телу. У этого мужика взгляд был ничуть не лучше.

Личутину стало немного не по себе. Он вдруг сообразил, что остался один и если что, то помощи ждать неоткуда. Но праздновать труса он не собирался. Не такой у него был характер. Он только не знал, как лучше поступить – затеять с мужиком разговор прямо здесь, на месте, или дожидаться, пока тот выйдет из аптеки? Пожилая равнодушная женщина в хрустящем белом халате, стоявшая за прилавком, одинаково неодобрительно косилась и на Личутина в помятой форме, и на гражданина в хорошем костюме. Она чувствовала, что прибыли не будет ни от того, ни от другого.

Однако южанин не торопился покидать аптеку. Он меланхолично рассматривал порошки и клизмы, выставленные за голубоватым стеклом витрины. На самом деле он ловил в стекле отражение маячившего у него за спиной Личутина. Во всяком случае, у сержанта сложилось именно такое впечатление.

Он решил избрать компромиссный вариант. Аптека – место все-таки культурное, для мужского разговора мало пригодное. Личутин решил предложить гражданину выйти. Он подошел сзади, строго кашлянул. Смуглый неторопливо обернулся, с напряженным вниманием посмотрел на милиционера. Он был на полголовы выше Личутина.

– Будьте любезны пройти со мной на минуточку! – официальным тоном сказал Личутин. – Нужно поговорить.

– Не понял, – отчетливо и с расстановкой сказал смуглый гражданин. – Вы хотите со мной говорить?

У него был отчетливый правильный выговор человека, долго и прилежно учившего русский язык. Что-то подобное Личутину приходилось слышать из уст коренных жителей прибалтийских республик, долго живших среди русских. Этот факт окончательно уверил Личутина, что с незнакомцем не все чисто. Прибалтам он доверял еще меньше, чем кавказцам. Первые уже откололись и были совсем чужими, тогда как кавказцы все-таки числились своими. Вот

только ни на эстонца, ни на латыша этот человек совсем не походил. Уж скорее он мог оказаться каким-нибудь испанцем или итальянцем. Интуристом, короче говоря, с которого взятки гладки. Богатый интурист может устроить такой скандал, что небесам жарко станет. С такими лучше не связываться. Но Личутин уже завелся, да и что-то подсказывало ему, что никакой этот человек не интурист.

– Да, у меня к вам есть несколько вопросов, – подтвердил он казенным голосом. – Я долго вас не задержу. Прошу пройти! – Он жестом показал на дверь.

Смуглый пристально посмотрел на него и без разговоров пошел к выходу.

«Кажется, возникать не будет, – с некоторым облегчением подумал Личутин. – Если паспорт у него не наш, принесем извинения, и счастливого пути, господин хороший! Нам международных конфликтов не надо. Со своими разобратся бы».

Смуглый гражданин вышел на крыльцо, странно осмотрелся по сторонам, будто не узнавая всех этих типовых домов, осенних цветов на клумбах, окон, весело искрящихся послеполюденным солнцем, людей, одетых еще совсем по-летнему, сизовато-голубого неба над крышами, а потом, обернувшись к неотступно следовавшему за ним Личутину, проговорил правильным до тошноты голосом:

– Мы далеко будем идти? – Все-таки он, похоже, волновался, потому что и фраза на этот раз была скроена не совсем по-русски, и ударения не все оказались на своем месте.

Личутин посмотрел на него с прищуром.

– Зачем далеко? – добродушно заметил он. – Здесь и поговорим. Документы ваши проверим, а если все в порядке...

– Документы? – нервно удивился чужестранец. – Для чего это? Я что-то нарушал?

– Для того что у нас такой порядок, – важно объяснил Личутин. – Москва – город большой, в нем всякий народ водится. Бывают и криминальные элементы. – Он объяснял, как ребенку. – Мы обязаны проявлять бдительность. Для вашего же блага. Поэтому обижаться на это нечего. Говорят, там, у вас, насчет этого дела еще жестче. С полицией вообще не спорят... Так что попрошу документы, гражданин!

Личутин не вполне представлял, где это «там, у вас», но, как ни странно, этот аргумент успокоил гражданина. Он только вроде еще больше помрачнел и молча полез в карман за документами. Личутин внимательно смотрел за его руками, проявляя бдительность, – он еще не забыл, как этот иностранец прятался от него по дворам и аптекам, – значит, была какая-то на то причина?

Смуглая рука вытащила из кармана и протянула Личутину всего-навсего паспорт, но это простое действие неприятно поразило милиционера, потому что он уже успел поверить в иностранное происхождение незнакомого гражданина, но паспорт, который тот держал в своей руке, был российский!

Личутин даже документ принял с некоторой задержкой – пытался осмыслить, как же он мог дать такого маху – не узнать своего. И еще он засмотрелся на особую примету – на пальце у гражданина темным золотом отсвечивал перстень. Что на нем было вырезано, Личутин до конца так и не понял – какая-то экзотическая птица. Хищный изгиб крыла, ломаный клюв. Чем-то, кстати, гражданин, стоявший перед Личутиным, смахивал на эту птичку.

А в паспорте на первый взгляд не было ничего необыкновенного. Даже о московской регистрации разговор не получался. Гражданин был в Москве прописан. Судя по документу, с девяносто четвертого года. По адресу – улица Коперника, дом... Судя по документам, холост, детей нет. Фотка на месте, печати. Вроде все как полагается. Но Личутину что-то в документе показалось странным. И вообще, теперь он мог без колебаний предъявлять гражданину любые претензии. В конце концов, они теперь на одной поляне, а претензии у Личутина имелись. Он хотел понять, почему человек, не имеющий проблем с регистрацией и прилично одетый, так старательно избегает контакта с родной милицией?

Да и по поводу документа у Личутина имелись вопросы. Паспорт был выписан на имя Тарасова Валентина Ивановича, шестьдесят девятого года рождения – только кто же поверит, что этот итальянистый тип и в самом деле Тарасов!

Он взял под козырек, строго посмотрел в глаза человеку, который ни капли не был похож на Тарасова, и категорически заявил:

– Вам придется пройти со мной до начальства. Возникли вопросы по вашим документам, гражданин. Возможно, просто недоразумение. Попрошу оказать содействие органам правопорядка.

Тарасов слушал с напряженным вниманием человека, не сразу улавливающего смысл чужого языка. Личутин готов был держать пари, что этот парень с улицы Коперника лет десять назад не знал ни единого слова по-русски. Но он был чертовски способным учеником. Вот только кто был его учителем – этот вопрос не давал покоя Личутину.

– Я понял, – вдруг сказал Тарасов. – Арест? Я деловой человек. Не могу тратить время. Сколько хотите? – В подтверждение своих намерений он выразительно похлопал себя по боковому карману.

Личутин на секунду представил себе пухлый, набитый купюрами и кредитками бумажник, и в груди у него промелькнул приятный холодок, как у человека, нашедшего клад среди грядок на своих шести сотках. Но он не позволил алчности одержать верх. Здесь пахло чем-то серьезным, а Личутин не был идиотом. Он тоже здесь жил и совсем не хотел, чтобы в его доме гадили. Деньги, конечно, никто не отменял, но не все в жизни измеряется деньгами.

Личутин похлопал багровой книжицей с тисненым двуглавым орлом по ладони и внушительно сказал:

– А вот этого не надо! Лучше пройдем, гражданин, по-хорошему!

Ему показалось, что из горла Тарасова вырвалось сдержанное рычание. Личутин грозно поднял брови, но задержанный уже взял себя в руки. Он наклонил голову и глухо сказал:

– Отлично! Я иду с вами. Куда идти?

«Попробовал бы ты не пойти!» – подумал про себя Личутин, прикидывая, как проще будет пройти в тот двор, где, по идее, находился Гусев с машиной.

Он решил срезать путь и пройти между двумя домами, стоявшими едва ли не впритык друг к другу. Рукавишников в поле зрения до сих пор не появлялся, и Личутин не стал его ждать.

– Ступайте вперед, – повелительно сказал он задержанному. – Во двор по соседству. Вон туда, пожалуйста! Если убедимся, что все в порядке, вас сразу же отпустят.

Тарасов протянул было руку за паспортом, но, поняв, что Личутин не собирается возвращать ему документ, спокойно повернулся и пошел туда, куда показывал пальцем милиционер. Двигался он пружинисто и плавно, как хищник из семейства кошачьих. Эта деталь Личутину тоже не понравилась. С гражданами, которые так ходят, всегда бывает много хлопот. На всякий случай он еще раз потрогал кобуру на поясе, вздохнул и пошел следом за Тарасовым.

В промежутке между домами лежала густая прохладная тень. Две каменных стены без единого окна, одна против другой, асфальтовая тропинка между ними. За ней – солнечный прямоугольник соседнего двора. По периметру зеленели молодые деревья.

Личутин не сводил глаз с широкой спины задержанного, который казался ему с каждой минутой все подозрительнее, но спокойная уверенность этого человека усыпила его. И он упустил решающий момент. Его спутник внезапно замер на месте и, не оборачиваясь, выбросил назад острый и твердый, как дубовый кол, локоть.

От сильного удара под лопатку Личутин задохнулся и невольно сложился пополам, схватившись за живот. Такого унижения он давно уже не испытывал. Его, крепкого, тренированного и вооруженного мужика, вывели из строя одним ударом! Личутин пытался выпрямиться, но его мышцы в это мгновение словно превратились в кисель, в глазах плавал туман, и никак

не удавалось вдохнуть полной грудью. Но еще унизительнее было то, как деловито, без паники действовал задержанный. Он прижал скрюченного милиционера к стене и совершенно спокойно обшарил его карманы. Нет, ему ничего не было нужно, кроме собственного паспорта. Он не тронул даже табельного оружия. Тарасов взял документ и небрежно засунул в свой карман.

Он уже скользнул в сторону, собираясь смыться, но Личутин, который уже мог чуть-чуть шевелить пальцами, схватился за кобуру и из последних сил просипел:

– Стоять!.. Стеляю...

Его душа кипела от унижения и ненависти. Ладонь уже нащупывала рифленую рукоять. Личутин знал, что теперь он сдохнет, но задержит этого подонка по-настоящему. На спусковой крючок он сумеет нажать.

Тарасов обернулся, в одну секунду оценил ситуацию и летящим движением откинул полупиджака. Личутин лишь увидел, как в тени перед его глазами серебряной рыбкой сверкнуло длинное лезвие, а потом его с ног до головы пронзила такая боль, от которой потемнело в глазах. Как исчез Тарасов, он уже не видел.

И всего через пятнадцать секунд после этого в узкий коридорчик между домами вошла пожилая озабоченная женщина – в одной руке сумочка, в другой – пакет, набитый продуктами. Она шла, глядя себе под ноги, и считала в уме, сколько денег осталось в ее распоряжении до пенсии.

А потом она увидела Личутина, который своим телом перегородил ей дорогу, и лужу темной, как патока, крови у своих ног. Пенсионерка протяжно закричала. Пакет выпал из ее рук. Что-то молочное в нем разбилось, и белая жидкость потоком хлынула на асфальт, смешиваясь тут же с кровью и делаясь на глазах розовой. Женщине стало плохо, и она упала без чувств рядом с окровавленным телом.

Глава 2

Хирург был худ, как жердь, и при этом едва ли не на голову выше Гурова, хотя тот на свой рост не мог пожаловаться. Сто восемьдесят сантиметров для мужчины совсем неплохо. «А ведь тут все два метра, пожалуй, будут! – с уважением подумал он. – Тебе, брат, не в хирургии, тебе в баскетболисты следовало бы идти. Греб бы сейчас валюту лопатой!»

Он поймал врача в последний момент – уже в коридоре на первом этаже, – тот как раз собирался уезжать. В темно-синем костюме в полосочку, с обшарпанным кейсом в руке он мало был похож на врача. Скорее на судебного исполнителя или страхового агента. Если бы Гурову не указали на него пальцем, сам бы он ни за что не догадался.

– Простите, я не совсем понял, кто вы, – досадливо морщась, сказал хирург сразу же после того, как Гуров все ему объяснил. – У меня в пятнадцать ноль-ноль лекция на кафедре, я с ночного дежурства, и мне еще нужно успеть на заседание комиссии... так что, извините, сегодня я несколько в разобранном состоянии...

Видимо, голова его была занята массой важных вещей, требующих полной сосредоточенности. И на лице его лежала печать хронической усталости.

– Это вы нас извините, доктор, – сказал Гуров. – Отвлекаем занятого человека. Но, сами понимаете, у нас тоже работа, которая не терпит отлагательства. Мы с коллегой из милиции. Я – старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров, а это вот мой товарищ – полковник Крячко. Чтобы было понятнее – сыщики мы. А к вам насчет того милиционера, Личутина... Если торопитесь, мы вас можем подбросить на машине, а вы по дороге ответите на наши вопросы.

Взгляд врача несколько прояснился.

– Да, извините! – повторил он. – Конечно же! Вы из милиции. И, конечно, вас интересует коллега. Впрочем, у меня уже перебивал миллион народу, и все по поводу этого пациента. Мне кажется, я уже ответил на все вопросы.

– Вопросы имеют свойство накапливаться, доктор, – заметил Гуров. – Ну так как же мы решим? Поедете с нами?

– Нет, я на своей машине, – отмахнулся хирург. – Если вы уложите в пять минут, я постараюсь ответить на все вопросы здесь.

– А мы постараемся уложиться, – сказал Гуров. – Ну, во-первых, как сейчас состояние Личутина?

Врач пожал худыми плечами.

– О чем здесь говорить? Состояние крайне тяжелое. Если он выкарабкается, это будет настоящим чудом. Впрочем, то, что он до сих пор жив, – уже чудо. Не иначе этот человек родился в рубашке. Огромная кровопотеря, болевой шок... Хорошо еще, его в тот день быстро обнаружили, и «Скорая» сработала оперативно. Задержись они хоть чуть-чуть, вы бы сейчас разговаривали с патологоанатомом.

– Понятно, – кивнул Гуров. – Значит, рана была тяжелой... Как полагаете, чем его полоснули, доктор?

– Смею предположить, что это был нож с клинком не менее двадцати сантиметров, с обеих сторон заточенным, очень острым. И человек, наносивший удар, был, если можно так выразиться, мастером своего дела. Бил сильно, наверняка – метил точно в печень. Я говорю: это чудо, что ваш коллега остался жив. Обычно такие раненые не дотягивают до операционного стола...

– А скажите, доктор, – нетерпеливо спросил полковник Крячко, плотный, с грубоватым загорелым лицом, – с похожими ранениями вам часто приходилось встречаться? Практика-то у вас большая – может, уже попадались? Я к тому клоню, что этот любитель помахать ножичком

мог ведь еще кого-то подрезать? Засветиться, так сказать. Нам такая информация как воздух нужна! – На его толстых губах блуждала рассеянная, не соответствующая моменту улыбка, точно полковник только что вспомнил старый, но очень смешной анекдот.

Хирург неодобрительно покосился на него, но ответил вполне серьезно:

– Могу сказать совершенно точно. Похожие ранения встречались, конечно, но идентичных тому, который вы имеете в виду, не было. Это я заявляю со всей ответственностью. У нас в отделении я считаю себя специалистом по холодному оружию. – Губы его слегка дрогнули в усмешке. – И заключения даю с вероятностью девяносто девять процентов. Как видите, погрешность невелика.

– То есть, грубо говоря, до сих пор этим ножом никого не резали, – заключил Гуров. – Это первый случай.

Хирург пожал худыми плечами.

– Скажем так, первый случай в моей практике, – ответил он. – Полагаю, что в ваших архивах могут иметься какие-то необходимые материалы – фотографии, заключения врачей по ножевым ранениям. Если будет нужно, я постараюсь в свободное время их просмотреть и тогда вынесу окончательный вердикт. Понимаете, Москва город большой, и на всех раненых одного врача не хватит. Что-то обязательно проходит мимо.

– Да, Москва велика, – согласился Гуров. – Полагаю, что и холодным оружием здесь балуются гораздо чаще, чем того хотелось бы. Не уверен, что вам удастся выбрать время на то, чтобы пересмотреть все наши архивы, доктор. Мы по-другому поступим. Данные по ранению Личутина покажем нашим экспертам. Возможно, они отыщут что-то похожее. Нам было важно узнать ваше впечатление, так как вас отрекомендовали именно как специалиста по таким ранениям.

– К вашим услугам, – слегка поклонился хирург и озабоченно порылся в нагрудном кармане. – Вот вам моя визитка. Здесь номер сотового – вы можете связаться со мной в любую минуту, если понадобится... Кроме тех случаев, когда я на операции, конечно. А теперь я, с вашего разрешения, пожалуй, пойду, товарищи сыщики... Уже опаздываю, а это не есть хорошо.

– Мы обязательно вас опять потревожим, – пообещал Гуров, принимая визитную карточку. – Пока мы этого умельца с обоюдоострым лезвием не найдем, нам от вас никуда не деться, доктор. А пока спасибо за информацию.

– Да за что спасибо! – махнул длинной рукой хирург. – Я ведь ничего и не сказал.

Он еще раз кивнул, подхватил кейс и устремился к выходу – нескладный, высоченный, но удивительно уверенный в себе человек. Гуров посмотрел ему вслед и повертел в руках маленький кусочек плотной бумаги с типографским шрифтом.

– Видюнкин Валерий Сергеевич, – прочел он вслух с уважением. – Доктор наук, между прочим, не шутка! Мне говорили, у Валерия Сергеевича даже опыт работы в полевом госпитале имеется. А я до сих пор ни разу с ним даже не встречался.

– Он с нами, между прочим, тоже, – заметил полковник Крячко. – Хотя и мы в своем деле почти профессора.

– Хороши профессора! – вздохнул Гуров. – Среди бела дня милиционера ножом пырнули, а мы до сих пор не знаем, кто и почему. Преступник как в воду канул.

– На его месте любой бы канул, – глубокомысленно заключил Крячко. – Ушел на дно человек. Теперь будет отсиживаться, пока волна не уляжется.

– Это хорошо, если будет отсиживаться. А если он уже далеко от Москвы? – сказал Гуров.

– Не исключено, – согласился Крячко. – Хотя на вокзалах сейчас всех черноволосых и смуглых трясут – не дай бог! Сам видел.

– Толку от этой нашей тряски! – махнул рукой Гуров. – Ладно, поехали на место, там прикинем, что к чему.

Они вышли из больницы. Здание было относительно новое, и территория вокруг него была обширная, залитая сплошь асфальтом, с редкими островками зелени. Зато стоянка для машин была большая и удобная.

В гуровской машине их ждали двое – сержант Гусев и молодой Рукавишников, до сих пор еще не оправившийся от потрясения и оттого слегка бледноватый и тихий, как мышь. Оба были в форме, но без оружия. После случившегося они еще не выходили на дежурство ни разу.

Гуров и Крячко молча уселись в машину. Гуров завел мотор и, полуобернувшись, сообщил:

– В ваш район поедem. Будем на месте смотреть, что и как.

– А что доктор? – осторожно поинтересовался Гусев.

– Ты имеешь в виду, как там Личутин? – сказал Гуров. – Так вот, Личутин ваш очень плох. Врачи, по-моему, надеются только на чудо.

Гусев в сердцах рубанул кулаком по раскрытой ладони.

– Т-твою мать!.. – сказал он огорченно. – Ну надо же было такому случиться! Кабы сразу знать...

– То соломки непременно подстелили бы, – подхватил Крячко. – Это мы еще в школе учили, сержант.

– Да, попали вы – на ровном месте, да мордой об асфальт! – неодобрительно констатировал Гуров, выезжая с площадки. – Как же так получилось, сержант?

– Да я на эту тему устал уже объяснительные строчить! – признался Гусев. – Сто раз одно и то же писал. Замучился уже.

– А ты еще раз расскажи, – ласково посоветовал Крячко. – Вот увидишь, сразу легче станет. Мы с полковником вроде исповедников – всем грехи отпускаем.

– Действительно, грехи, – буркнул Гусев. – А вообще нечего было нам с ними связываться, с черными то есть... Мы по сигналу ехали. Гражданин один выпил и стал стрелять из ружья. Окна побил, народ перепугал... Вот мы по этому случаю и ехали. А эти двое просто на глаза попались, когда мы дом искали.

– Что значит – попались на глаза? – строго спросил Гуров. – Сейчас мы вот едем – столько лиц попадается на глаза. У тебя, сержант, не возникает желания проверить у них у всех документы?

– В гробу я теперь видел все эти документы! – честно сказал Гусев. – Я лучше теперь в сторону отвернусь, товарищ полковник, откровенно вам скажу. Если из-за этих документов ребят крошить будут...

– Ушами хлопать не надо! – назидательно заметил Крячко. – Представители власти! Вчетвером двоих задержать не смогли! С такой хваткой, конечно, лучше за угол отойти и там в холодке пересидеть...

– Почему разделились? – отрывисто спросил Гуров. – Если вы решили проверить у подозрительных граждан документы, почему отнеслись к этому так халатно?

– Да кабы знать! – с тоской повторил Гусев. – Я думал, ну, может, торговцы. Может, регистрация не оформлена. Я же не думал, что у них финки за пазухой. Мы с водителем на вызов поехали. Я думал, Личутин с Рукавишниковым справятся. Дело-то такое...

– Ну и что же дальше? – резко перебил его Гуров. – Личутин сказать не может, но Рукавишников-то здесь. Он-то чего помалкивает? Вы-то чем думали, молодой человек? Вам доверили ответственное дело – порядок в городе охранять. А у вас что вышло?

У Рукавишникова от волнения перехватило дыхание, и он не сразу сумел ответить.

– Товарищ полковник! Так я чего?.. – чуть не плача, заговорил он наконец. – Мне сержант сказал – иди за тем, а я пойду за этим. Проверь, говорит, документы. Если все в порядке – не кантуй. Ну я и пошел...

– Не размазывайте кашу по тарелке, юноша! – сердито сказал Гуров. – Рассказывайте толком, что там у вас получилось. А то «иди за тем, иди за этим»... Туман какой-то получается!

– В общем, их двое было, – послушно отозвался Рукавишников. – Оба лет под тридцать, здоровые ребята, жилистые. Один в песочном костюме – это с которым я потом разговаривал, а второй – в стальном. Они, когда мы из машины вышли, сразу разошлись. Мой к перекрестку пошел, а второй во двор нырнул. Сержант его догонять пошел, и больше я его не видел. Ну, в смысле, пока шум не поднялся. Его какая-то старуха нашла.

– А что было с вашим?

– С моим все тихо было, – покорно сказал Рукавишников. – Догнал я его. Как полагается, представился, документики попросил. Он не спорил, сразу паспорт достал, вежливый такой... Я ничего не заподозрил, все вроде нормально было. Паспорт просмотрел и отпустил. Сказать, что в паспорте было?

– Читали, – ответил Гуров. – В рапорте вашем. Вы лучше свое впечатление доложите – ничего странного в поведении этого гражданина не отмечалось?

– Ничего, – уныло протянул Рукавишников. – Он спокойный был, вежливый такой... Закурить еще предложил.

– Закурить он ему предложил! – с неожиданной злобой вставил Гусев. – Эх, самому надо мне было!

– После драки все мастера кулаками махать, – назидательно заметил полковник Крячко. – И потом, дело-то обыкновенное, сам говорил, а у вас сигнал был...

– Да черта ли сигнал! – безнадежно сказал Гусев. – Когда мы прибыли на место, этот крендель уже не стрелял. У него патроны кончились. И водка. Он за водкой пошел, а тут мы. Браслеты на него надели – он даже не почесался. Налит был по самые брови. А в этот самый момент Лешку-то и подкололи! Мы этого фрукта в машину как раз запихали, и тут крик...

– Ясно, – коротко сказал Гуров. – Печальная картина вырисовывается. Дебошира взяли, а опасных преступников упустили. Ну, что выросло, то выросло. Будем думать, как из этой лужи выбираться, куда мы по вашей милости сели.

– Я слышал, товарищ полковник, что у вас проверяли данные того паспорта, что Рукавишников смотрел? – осторожно сказал Гусев. – Есть какие-нибудь результаты?

– Да какие результаты? – покрутил головой Гуров. – Пустой номер. Липягин Станислав Гаврилович, шестьдесят восьмого года рождения, прописан в Юго-Западном районе. Нет такого гражданина в Москве, с таким паспортом. Ваш Рукавишников, в сущности, молодец. Он номер паспорта запомнил. Это дало нам возможность заключить, что документ, несомненно, фальшивый. Но, судя по всему, изготовлен весьма качественно, раз не вызвал у товарища никаких подозрений. Это наводит меня на очень неприятные мысли. Выходит, завелся у нас здесь кто-то новый и чрезвычайно опасный...

– Извиняюсь, товарищ полковник, – кашлянул в кулак Гусев. – Это, скорее всего, из кавказцев кто-то. Надо бы ихнюю диаспору хорошенько потрясти!

– Спасибо за ценный совет, сержант! – иронически заметил Гуров. – Только его нам и не хватало. Между прочим, судя по вашим рапортам, ни один из вас не заподозрил первоначально в неизвестных кавказцев. Назывались разные национальности, насколько я помню, даже такие экзотические, как индусы. Да и словесные портреты, составленные по вашим указаниям, как будто подтверждают такую мысль. Действительно, есть в этих лицах что-то необычное для наших широт. Стас, покажи-ка еще раз товарищам их собственное творчество!

Полковник Крячко ухмыльнулся и достал из кожаной папки два отпечатанных на принтере портрета.

– Этот вот, – сказал он, тыча в один пальцем, – здорово на одного актера похож! Забыл фамилию! Ну, он еще в этом боевике играет, как его?.. Да ты видел! Ну, вспоминай!

– Мне больше делать нечего! – проворчал Гуров. – Пусть лучше Рукавишников что-нибудь еще вспомнит. Этот тип твой по-русски, кстати, хорошо говорил?

– Ага, он по-русски, как мы с вами, – подтвердил милиционер. – Да и вблизи он ни на какого индуса не похож вроде. Нормальный мужик, только загорелый.

– Следователи опрашивали население в том районе, – сказал Гуров. – Получается, что последней видела Личутина аптекарша. Он заходил в аптеку, разговаривал с каким-то женщиной. Вот только лица этого мужчины она не запомнила. И портреты ей показывали – никакого толку. И вообще, кажется, никому из жителей эти люди незнакомы. Во всяком случае, к такому предварительному выводу пришло следствие.

– Чего же мы туда едем? – осведомился Крячко, хотя прекрасно знал, что ответит Гуров.

– А едем мы туда, потому что должны сами во всем убедиться. И особенно меня интересует тот подъезд, из которого вышли эти два гражданина. Ведь они откуда-то вышли?

– Да-да! Они вышли из подъезда! – с горячностью подтвердил Рукавишников, перевешиваясь через сиденье. – Мы как раз подъехали, а они как раз и вышли...

– Помолчи! – перебил его Гусев. – Ты свое уже сказал. Мы потом этот подъезд сверху донизу прочесали, товарищ полковник. Там на четвертом этаже закоренелый бандюган живет, Семен Живаев по кличке Капуста. Две отсидки, в девяностых работал на Чемодана, помните такого? Тот теперь остепенился, оптовой торговлей занялся. Два дома в Подмоскovie, три квартиры в столице, офис в центре...

– Допустим, Чемодана я помню, – проворчал Гуров. – Только зачем ты мне про него рассказываешь? Намекаешь, что его нужно немедленно брать? Или этого, как его, Живаева? Мол, бандюган вы, гражданин Капуста...

– Ну, не знаю, – упрямо буркнул Гусев. – Я и следователю то же самое говорил. По-моему, это же очевидный факт! Эти двое заходили в подъезд, где живет Капуста. Капуста работал на Чемодана. Значит...

– А что, собственно, это значит? – возразил Гуров. – Только одно – мы должны все хорошенько проверить. И я очень надеюсь, что вы с ребятами не перепутали подъезд.

– Обижаете, товарищ полковник! – сказал Гусев. – Мы, может, чего и недоработали...

– Это уж точно, недоработали! – заметил, усмехаясь, Крячко.

Гусев замолчал. Не открывал больше рта и Гуров – до самого конца поездки. Только, въезжая в переулок, попросил показать точно, где милиционеры остановили в тот трагический день машину. Гусев объяснил.

– Итак, вы стояли здесь, – задумчиво сказал Гуров. – А они, значит, вышли...

– Аккурат вон из того подъезда, – ткнул пальцем Гусев. – На сто процентов точно, товарищ полковник! Я не могу ошибиться. Да и Рукавишников подтвердит.

– Ага, оттуда! – немедленно подтвердил Рукавишников.

– Ну, ладно, будем считать, что хоть в этом у нас промашки не будет, – сказал Гуров. – Идемте, товарищи сыщики! Сколько здесь в подъезде квартир – двадцать четыре? Придется немного попотеть. Как говорится, еще десять тысяч ведер – и золотой ключик у нас в кармане. Но начнем мы, конечно, с вашего Капусты. Кстати, чем он сейчас занимается?

– Неизвестно, – ответил Гусев. – Вроде сейчас не при делах. Но живет нормально, ни в чем не нуждается. С нами говорит сквозь зубы, не знаю уж, как с прокуратурой. Давно у меня на него руки чешутся...

Все четверо уже вышли из машины и теперь направлялись к дому напротив. Крячко, задрав голову, рассматривал верхние этажи, шурясь от солнца. Подошли к подъезду.

– Значит, так, – сказал Гуров. – Вы тут пока подышите, ребята, по сторонам посмотрите, а с вашим знакомцем мы с полковником сами поговорим. Боюсь, при вас господин Капуста будет себя не слишком свободно чувствовать. Похоже, испытываете вы друг к другу сильную личную неприязнь.

Гусев недовольно насупился, но спорить не стал. Он кивнул Рукавишникову, и они отошли в сторону. Сержант отвернулся и потянул из кармана сигареты.

Гуров и Крячко поднялись на четвертый этаж, нашли квартиру Живаева. Дверь у Живаева была металлическая, с антибликовым покрытием и секретным замком, напоминающая дверцу какого-нибудь суперсейфа в подвалах самого надежного банка где-нибудь в Швейцарии. Оперативники переглянулись.

– Хороша дверца, – заметил Крячко. – Тут и в самом деле золотой ключик надо, Лева!

– Ну, для хорошего человека все двери открыты, – улыбнулся Гуров. – Звони!

– Я звоню, – сказал Крячко, нажимая на кнопку звонка. – Только сомнения меня берут. Тут ведь и впрямь всех уже по пять раз опросили. Думаешь, нам скажут что-то новенькое?

– Лучше один раз увидеть, чем прочитать гору протоколов, – возразил Гуров. – Меня сейчас даже не столько показания интересуют. Если кто-то говорить не хочет, он не заговорит. Но я хочу ему в глаза посмотреть. По глазам многое узнать можно. Например...

Договорить он не успел, потому что дверь вдруг бесшумно приоткрылась и на площадку выглянуло круглое озабоченное лицо с маленькими плутоватыми глазками. Хозяин был невысокого роста, но широк в плечах и довольно крепок. Правда, мышцы его уже заплыли жирком, но не настолько, чтобы можно было назвать этого человека толстяком. В первую секунду лицо его испуганно дернулось, но хозяин мгновенно взял себя в руки и заговорил уверенно, как человек, которому не о чем беспокоиться.

– Ко мне, что ли? – спросил он небрежно. – Что-то ваши фотографии мне незнакомы, ребята! А хотите на раз угадаю, откуда вы? С ментовки, верно? Никаких чудес – у вас это просто на лбу написано.

– Ну угадал, подумаешь! – сказал Крячко. – Мы тоже мастера угадывать. Ты – Капуста, на Чегодаева работал, два раза сидел. На мой взгляд, маловато тебе дали.

– А ты, гражданин начальник, сам посиди, тогда и говори, мало это или много, – заметил хозяин добродушным тоном. – А вообще, чтобы вы знали, не Капуста я теперь, а Семен Викторович Живаев, добропорядочный гражданин и исправный налогоплательщик. С темным прошлым давно покончено. Вот так вот. А у вас ордерок имеется?

– А зачем добропорядочным гражданам ордерок? – удивился Гуров. – Просто так зашли, чайку попить, поговорить о том о сем. Добропорядочные граждане – они с милицией сотрудничают охотно и без принуждения.

– Так-то оно так, – согласился Живаев, но в хитрых глазах его снова появилась озабоченность. – Да вот беда, нет у меня сейчас времени на разговоры, гражданин начальник. Уходить мне надо. Я ведь бизнесмен теперь – у меня зоомагазин тут неподалеку. Зверушками торгую. Такая морока – постоянно глаз да глаз нужен!

– Разбегаются, что ли? – сочувственно спросил Крячко.

– За народом глаз нужен! – поправил Живаев. – Который за товар отвечает. Народ у нас сами знаете какой – без присмотра не оставляй! Бегемота уморят.

– Может быть, вы все-таки пригласите нас в квартиру, господин Живаев? – спросил Гуров. – Там все и расскажем. Всего пять минут. Подождут ваши зверушки.

– Ну, может, пять минут и подождут, – всего мгновение размышлял Живаев. – Заходите! Только я по собственному печальному опыту знаю – пустил мента в дом, значит, не жалуйся. Пока душу у тебя не вынет, все равно не уйдет.

Несмотря на такое пессимистическое вступление, Живаев все-таки посторонился и запустил гостей в квартиру.

– Где базар вести будем, граждане начальники? – развязно поинтересовался он. – В хоромы вас вести или по русскому обычаю – на кухню?

– Лучше, конечно, в хоромы, – сказал Гуров. – Интересно, как у нас бывшие бандиты благоденствуют.

– Ну вот, опять! – с укором сказал Живаев. – Сказано ведь, кто старое помянет...

Он распахнул дверь в комнату. Оперативники вошли.

Сержант Гусев не обманул. Живаев точно ни в чем не нуждался. Комната была обставлена дорогой мебелью и выстелена коврами. Предметов, пожалуй, было даже многовато для жилого помещения. Гурову показалось, что они попали на мебельную выставку. На стенах висели картины в тяжелых золоченых рамах – в основном обнаженные дебелые красавицы работы неизвестного, но, видимо, очень старательного художника. Красавицы были идеального розового цвета и смотрелись очень заманчиво.

– Нравится? – спросил Живаев с гордостью. – Никакой Третьяковки не надо! Сиди и любуйся.

– Да, завидно живешь! – согласился Крячко и тут же задал вопрос: – Неужели вся эта роскошь на трудовые доходы приобретена?

– А на какие же, начальник? – уже с глубокой обидой воскликнул Живаев. – Мамой клянусь, завязал я с проклятым прошлым! Да и куда мне теперь – с моей-то клешней. Ну ты сам посуди!

Он взмахнул у Крячко перед носом левой рукой, и оперативники вдруг поняли, что этой самой левой руки у хозяина, собственно говоря, и нет. Вернее, осталась от нее грубая культия, безобразно торчащая из закатанного рукава рубашки.

Крячко смущенно крякнул.

– Где ж это тебя, брат, так угораздило? – спросил он. – Извини, мы не знали... С такой штукой ты точно не боец.

– То-то и оно, – сердито сказал Живаев. – А получилось на зоне. Разборка там была, кое-кто сильно одеяло на себя потянул... Ну, не важно! Короче, меня задела слегка перышком. А на зоне – это не в больнице, ножи не стерилизуют. – Он хохотнул. – Короче, гангрена началась, тут мне копыто и оттяпали. Из-за этого мне досрочное вышло...

– Значит, нет худа без добра, – заключил Гуров. – Но не у одного вас, Живаев, несчастья бывают. Слышали, тут у вас поблизости милиционера на днях ранили?

– А то не слышал! – фыркнул Живаев. – Не смешите меня, гражданин начальник! Десять раз уже допрашивали по этому делу. Только, сами понимаете, не мог я мента с одной рукой завалить.

– Упаси бог! – сказал Гуров. – Дело не в том, Живаев. В тот день к вам в подъезд заходили два человека. Вот их портреты. Никого из них не знаете?

Живаев презрительно покосился на листы, которые разложил перед ним Гуров.

– Да видел я уже эту самодеятельность! – сказал он. – Вот этот у вас здорово на моего любимого актера похож. Стивен Сигал его зовут. Боевики любите?

– Я же говорил, что похож! – обрадовался Крячко. – Имя только забыл. Как ты говоришь – Сигал? Надо запомнить.

– Вы мне тут зубы не заговаривайте! – оборвал их Гуров. – Значит, незнакомы с этими людьми, нет? А где вы были в тот день, Живаев?

– Не помню, – хмуро сказал Живаев. – То есть помню. Как это где? В магазине я был. С утра как ушел...

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент раздался звонок в дверь. Живаев мгновенно вскочил и быстро шагнул к двери.

– Это ко мне, – сказал он на ходу. – Должок сосед должен принести. Я мигом.

– Да это за нами, наверное, – невозмутимо заявил полковник Крячко, тут же поднимаясь и присоединяясь к хозяину. – Ребята заждались.

Лицо Живаева омрачилось, но он молча вышел в прихожую и, мельком глянув в глазок, отпер дверь. Крячко и за его спиной Гуров остановились в полутьме коридора. Живаев открыл свою бронированную плиту совсем чуть-чуть, так что ничего, кроме смутной тени на

лестничной площадке, оперативники не увидели. Они не успели даже глазом моргнуть, как вдруг Живаев резко захлопнул дверь и обернулся.

– Обознались квартирой, – сказал он сдавленным голосом.

– Ну-ка! – Гуров решительно отстранил его и, шелкнув задвижкой, выскочил на площадку.

По лестнице скатывалось эхо торопливо удаляющихся шагов. Гуров гневно оглянулся на Живаева.

– Присмотри за ним, Стас! – крикнул он и побежал вниз.

Глава 3

Глумов вошел в кафе, настороженным взглядом окинул зал. Владельцы заведения отделили помещение в стиле деревенской таверны, только к русской деревне это не имело ни малейшего отношения. Скорее это напоминало какую-то игрушечную деревеньку из старой немецкой сказки – так все здесь было аккуратно и чисто. Отмытые до янтарной желтизны дощатые столы, камин из ярко-красного кирпича, розовые официантки в кокетливых белых передниках – в другое время Глумова от всего этого просто стошнило бы. Но сейчас ему было не до мелочей, да и кафе это он выбрал практически наугад. Новой Москвы он не знал, не помнил и этого места. Просто, проходя мимо, решил назначить здесь встречу. В случайной забегаловке его никому не придет в голову искать.

Глумов, впрочем, не знал наверняка, ищут ли его здесь или же он сумел наконец всерьез оторваться от преследователей. Через финскую границу он переехал в составе туристической группы по чужому паспорту и тут же растворился на просторах своей необъятной родины. Она по-прежнему была щедра, широка и доверчива, и Глумов даже пожалел, что однажды ему пришлось в голову поискать счастья в далеких краях. В конечном итоге все равно ничего хорошего из этого не вышло. Родина оставалась родиной, но старые связи уже не срабатывали – кое-кто из знакомых давно уехал, кое-кто умер, а кто-то просто исчез без следа. Вот был человек, шустрил себе, вертелся, имя его поминали на каждом углу, и вдруг – будто корова языком слизнула – пропал человек, и точка – никто и не знает, где его искать.

К тому же Глумов не торопился. Он столько лет не был на родине, что уже начинал забывать правила игры. Нужно было сначала хорошенько оглядеться, взвесить все, чтобы не наломать сгоряча дров. Пока что Глумов пообщался с тремя-четырьмя земляками, да и тем не сказал правды, ограничился туманными намеками. Seriously решил говорить с единственным человеком – с Володькой Степанковым по кличке Кенарь. Так его прозвали из-за пронзительно-желтых волос. Теперь-то он здорово изменился – погрузнел, сделался невыносимо серьезным и отзывался исключительно на Владимира Григорьевича. За Кенаря мог и по роже съездить. Он даже волосы красил теперь в черный цвет. Насколько Глумов мог понять, Степанков подвизался теперь в таксомоторном бизнесе. Чем он там занимается, Глумов так до конца и не уяснил, но что Степанков не баранку крутит, это было совершенно точно. Что-то он там такое контролировал и распределял, и слово его имело большой вес среди матерых шоферюг. Глумову показалось, что Степанков вообще чувствует себя в новой Москве как рыба в воде и ему здесь многое по плечу. Давно минуло то время, когда они на пару рисковали жизнью. По пустякам, в сущности, рисковали. Хотя кто знает? Это сейчас все кажется пустяками, а тогда все было серьезно, и, кроме того, в этих пустяках выковывался характер.

Глумов осмотрел помещение и остался доволен. Никто тут его знать не мог, и опасности собравшиеся здесь люди не представляли – это были в основном средних лет мужики, среднего достатка и среднего ума, довольные своей судьбой и не знающие ничего в жизни страшнее, чем приказ о немедленном увольнении. Сейчас они расслаблялись за кружкой хорошего пива и строили планы на выходные – дальше их воображение не простиралось. Им не нужно было лезть из кожи, как Глумову. Ну что же, сам виноват – жил бы спокойно, как все люди, тоже бы сейчас в ус не дул – потягивал бы пиво и поглядывал по сторонам довольными заплывшими глазами.

Глумов еще раз пробежался взглядом по залу и констатировал, что Степанков еще не появился. Он озабоченно посмотрел на часы и сел за ближайший столик. Рядом немедленно возникла улыбочивая официантка – в белоснежном передничке, с симпатичными ямочками на тугих розовых щеках.

– Что будем заказывать? – спросила она, откровенно кокетничая.

Глумов знал, что нравится женщинам, и сам был до них большой охотник, но сегодня он даже не улыбнулся в ответ. Настроение было не то.

– Два «Хейнекена», милая, и побыстрее! – вдруг прозвучал за спиной у Глумова повелительный хрипловатый голос.

Он резко обернулся – Степанков возник будто из-под земли, в темном костюме, застегнутый на все пуговицы, неприступный и деловитый как министр. «Откуда он взялся? – недовольно подумал Глумов. – Должно быть, вошел сразу за мной. Забавно – я не доверяю ему, а он не доверяет мне, и ходим вокруг друг друга, как два кота в палисаднике. Вроде и драться не из-за чего, но и до взаимопонимания далеко».

– Здравствуй, Володя! – сказал он, приподнимаясь. – Я даже не заметил, как ты вошел.

– Здравствуй, Глумов! – небрежно ответил Степанков, чрезвычайно довольный. – Я всегда оказываюсь в нужном месте в нужное время. Учти это на всякий случай.

– Я обязательно учту, – сказал Глумов. – Присаживайся.

– Спасибо. – Степанков сел, подпернув на коленях брюки. – Что за странная причуда – выбрать этот кабак? У тебя с ним связаны какие-то воспоминания?

– Какие могут быть воспоминания? – сдержанно отозвался Глумов. – Когда я здесь жил, этого кабака и в помине не было. Просто попался на глаза.

– Паршивая забегаловка, – выпятив нижнюю губу, заявил Степанков. – Если выберу время, я покажу тебе, куда стоит ходить. Сейчас в Москве есть возможность прилично отдохнуть.

– По правде говоря, об отдыхе я пока не думал, – натянуто улыбнулся Глумов. – И сюда попал совершенно случайно – я же сказал.

Официантка с ямочками на щеках принесла пива и осведомилась, не нужно ли еще чего-нибудь.

– Все, свободна! – сурово сказал Степанков. – Понадобится – позовем.

Глумов покрутил головой.

– Строг ты стал! – заметил он. – А девочка, между прочим, хорошенькая. Зря ты ее так.

– А говоришь, что тебе не до отдыха! – осуждающе сказал Степанков. – Такой же ты бабник и остался, Глумов, каким был. А в нашем возрасте по-другому нужно. Пожестче пора быть, посолиднее. На чепуху не отвлекаться.

Глумов выслушал его, лениво отхлебнул пиво. Пиво было хорошее – свежее и в меру холодное.

– Мне кажется, это разные вещи, – сказал он. – Женщины – это не чепуха.

– А что же это? – презрительно прищурился Степанков. – Моя бы воля, я бы этих...

Он хотел сказать что-то резкое, но вовремя остановился и опять принял невозмутимо-деловой вид.

– Ладно, – заявил он после короткой паузы. – Время дорого. О чем ты хотел со мной поговорить?

Глумов подумал, что после стольких лет разлуки у обоих, наверное, нашлось бы о чем поговорить, но понял, что для Степанкова все это не имеет ни малейшего значения. И вообще, он, похоже, старался забыть, что было в прошлом. Ну что ж, в этом имелся смысл.

– У меня к тебе серьезное дело, Володя, – сказал Глумов, подавляя в себе желание назвать Степанкова по старой привычке Кенарем. – Времена действительно изменились. Оказалось, что я здесь уже никого не знаю. Как в чужой город попал, честное слово! А мне нужно срочно проверить одну аферу. Паспорт мне нужен! Хороший, надежный паспорт. Такой, чтобы я мог достать его из широких штанин и сказать – читайте, завидуйте! За ценой не постою – деньги у меня есть.

Степанков с бесстрастным лицом смотрел себе под ноги и слушал. К пиву он так и не притронулся. «Черт его знает, как он изменился, – невольно подумал про себя Глумов, разгля-

дывая заплывшую щеку бывшего друга. – Если бы лет десять назад мне сказали, что Кенарь превратится в такого жлоба, я лопнул бы со смеху. Отчаянный был человек. И баб, между прочим, любил».

– Это что же, надо понимать – у тебя проблемы с законом, Глумов? – спросил наконец Степанков, поднимая глаза. – Давай уж начистоту!

Глумов сделал изумленное лицо.

– Володя! О чем речь?! – негромко воскликнул он. – О каких проблемах ты говоришь? Меня десять лет не было дома! Меня все давно забыли!

Степанков слегка поднял брови.

– А где, кстати, ты был все эти годы? – проговорил он задумчиво. – Ты ведь мне так и не сказал. Помню, тогда с тобой еще ребята поехали. Чекану срок светил, он рад был хоть на край света уехать. Кирюха еще, Бугай... Где они сейчас, интересно?

Глумов немного помедлил с ответом.

– Чекан, по-моему, дальше Польши не уехал, – сказал он. – Кирюха в Майами – у него яхта, богатых старушек катает по побережью. А Бугай... Не знаю, где Бугай. Раскидало всех.

– А сам-то? Где скитался? – с интересом спросил Степанков, не сводя глаз с Глумова. – Загорелый вон какой! Тоже на побережье оттягивался?

– Да где только меня не носило! – попытался отшутиться Глумов. – Уж и сам не помню, где побывал. А загар – это в горах. На высоте быстро чернеешь.

– Это какую же ты высоту брал? Эльбрус, что ли?

Глумов пристально посмотрел на Степанкова. Ничего по лицу бывшего друга прочитывать было невозможно. И в глазах у него ничего не было, кроме любопытства.

– Анды, Володя, Анды, – сказал он. – Есть такие горы в Южной Америке. Тепло там, бананы... Но воздуху не хватает, понимаешь? Дышать там трудно.

– Вон, значит, куда тебя занесло! – осторожно заключил Степанков, снова отводя глаза. – А с бабками, значит, у тебя все нормально? Значит, бизнес там, в горах, неплохой?

Глумову стало немного не по себе. Степанков заговорил о том, о чем он сам предпочитал до поры умолчать.

– Бизнес везде можно устроить неплохо, – с деланным равнодушием сказал он. – Но приходит время, и тянет домой. Ты не думай, у меня с законом как раз все в порядке. У меня паспорт гражданина Соединенных Штатов. Чистый, как невеста! Просто я хочу здесь осесть. С чужим паспортом как-то неудобно.

– Так есть же какие-то службы, наверное, – заметил Степанков. – У тебя тут метрики сохранились всякие...

– Ты не понял, Володя, – мягко поправил его Глумов. – Я не хочу под своим именем. Есть обстоятельства.

– Та-а-ак, обстоятельства, значит? – неприятным тоном сказал Степанков. – Ты извини, конечно, но мне хотелось бы знать, что это за обстоятельства. Ты не пойми меня как-то не так, но... Сам посуди, тебя не было тысячу лет, и вдруг ты заявляешься, как будто с луны упал, просишь паспорт тебе сделать, о себе не рассказываешь... Ты пойми, у меня теперь легальный бизнес, положение, я теперь гражданин новой России. Тут можно все, но на строго помеченной территории – знаешь, как это собаки делают?... И особенно зарываться все равно не рекомендуется. С теми, кто зарывается, разговор короткий. В этом смысле ничего не изменилось.

– Не пойму, что тебя смущает, – хмуро сказал Глумов. – Я на твою территорию не посягаю. И прошу всего лишь о небольшой услуге. Плачу щедро. Или, хочешь сказать, у вас тут липовые паспорта уже не в моде?

– Да нет, почему же? Всякое бывает, – рассудительно заметил Степанков. – Но всегда знаешь, за что берешься. С улицы с такой просьбой не приходят.

– Я что же тебе, с улицы? – с откровенной уже неприязнью перебил Глумов.

– Извини, Глумов, а откуда же? – жестко сказал Степанков. – Ты даже хуже – ты с гор спустился. Бог знает, что ты там в этих горах наворочал. Вот ты говоришь, что на территорию мою видов не имеешь. Это правильно. Я тебе и не позволил бы этого сделать ни при каких обстоятельствах. Но если за тобой хвост тянется, я тоже в твоём дерьме вымажусь. И никто не даст гарантий, что завтра мы с тобой на пару по этапу не отправимся. А ты говоришь, территория!

– Ну, если боишься, я тебя напрягать не буду, – сказал Глумов. – Ты мне только имя скажи, кто помочь может, а дальше я сам.

Степанков покачал головой.

– Ты как будто и вправду с гор спустился, Глумов, – неодобрительно заметил он. – Что тебе имя даст? Все равно тебе придется меня впутывать. Мне придется человека подставлять... Это не разговор, Глумов. Ты лучше объясни все по-человечески, чтобы я понял. Я же не зверь все-таки. Если в моих силах – обязательно помогу старому товарищу.

– Оно и видно, – пробормотал Глумов. – Как будто к чужим завернул. Можно подумать, что ты меня первый раз видишь. Забыл, как десять лет назад вместе...

Степанков поднял предостерегающе палец.

– Десять лет! – сказал он. – Ты посмотри вокруг! Многих ты тут знаешь? Ты меня-то небось с трудом узнал. Сколько народу перемерло за это время! А у тех, кто остался, свои дела. А тут ты со своими проблемами. И еще хочешь, чтобы тебя принимали с распростертыми.

– Что хочу – я тебе уже сказал, – сердито произнес Глумов. – Деньги лишними не бывают, наверное? Я тебе двойную цену плачу. Зелеными. Не хочешь, я другие пути буду искать. Кланяться не буду.

– Это хорошо, – покивал Степанков головой, и было непонятно, что вызвало его одобрение – то ли нежелание Глумова кланяться, то ли обещанная им двойная цена. – А все-таки странно, что ты ничего о себе рассказать не хочешь. Это неправильно, по-моему. Нет, конечно, это твое дело, но на твоём месте стоило бы быть чуть-чуть откровеннее... Ладно, я дам тебе адресок. Скажешь, что от меня. – Он сделал широкий жест рукой. – Чтобы ты не говорил, будто я забываю старых друзей. О деньгах пока ни слова. Потом разберемся. Ты где остановился?

– В гостинице, – ответил Глумов. – Думаю съезжать. Накладно, да и вообще... – Он замялся.

– Обстоятельства? – хмыкнул Степанков.

– Вот именно, – лаконично подтвердил Глумов. – Так адресок ты мне сразу дашь или попозже?

– Я тебе номер телефона дам, – сказал Степанков. – Записывать не надо – так запомни. Человека зовут Валентином. Просто Валентин, и все. Когда будешь разговаривать, передай большой привет от Владимира Григорьевича. А дальше уже сами там договаривайтесь. Слушай цифры...

Он продиктовал Глумову телефонный номер и посмотрел на часы.

– Ладно, мне бежать надо, – сказал он озабоченно. – Надеюсь, мы все-таки выберем с тобой время, чтобы посидеть как полагается. А то все на бегу да на бегу...

– Слушай, а ты не мог бы меня к себе пристроить? – неожиданно спросил Глумов. – Ну, в охрану, в контору куда-нибудь... Не хочется как говно в проруби мотаться. При деле скорее акклиматизируешься, верно?

Степанков внимательно посмотрел на него.

– Это ты правильно говоришь, что человек при деле быть должен, – кивнул он. – Только куда же я тебя возьму? Ты специфики нашей не знаешь. За баранку тебя сажать, с американским паспортом? Так ты уже все позабыл. Куда рулить – не знаешь. А в конторе... У нас в конторе, брат, посложнее, чем за баранкой. Ты, знаешь, погоди немного, осмотришься. И я у себя подумаю, куда тебя лучше пристроить. Ну да встретимся еще, куда торопиться?

– Ладно, – сказал Глумов. – Ну, бывай тогда! Спасибо за телефон.

– Да не за что, – великодушно бросил Степанков. – Сочтемся.

Он махнул рукой, повернулся и пошел к выходу грузной, слегка переваливающейся походкой. Глумов задумчиво смотрел ему вслед. Как бы то ни было, кое-чего он сумел добиться. Но и Степанков не лыком шит. Сразу и на загар обратил внимание, и про Анды на ус намотал. Пожалуй, если с паспортом все выгорит, придется намекнуть Кенарю про свои дела. На хлебное место вдруг не пристроишься, да и «крыша» ему сейчас совсем не помешает. Но какая же «крыша» без доверия? Хотя тут тоже свои проблемы. Глумов не знал еще ни одного человека, которому правда хотя бы раз принесла дивиденды. Тот, кто говорит правду, жрет черствый хлеб и умирает в канаве, иногда даже не своей смертью. Хотя и тот, кто врет и крутит, тоже не задерживается на белом свете. Тут уж как повезет.

Глумов не стал допивать свое пиво, бросил на стол деньги и встал со своего места. Он еще раз встретился взглядом с хорошенькой официанткой, но лишь сочувственно ей улыбнулся, и только. Не хотелось пускать корни где попало. Не заметишь, как завтра вся Москва будет в курсе твоих дел.

Глумов не стал спешить со звонком. Выйдя из кафе, он отправился бродить по Москве. Только-только начиналась осень, весь город был залит солнцем, но жары уже не было. Неподвижно застыли над головой кристально-синие небеса. Зато на земле все несло – сверкающие автомобили, толпы прохожих, музыка, цветы, отражения в зеркальных стеклах витрин.

Глумов остановился возле одной из них. За стеклом был помещен огромный портрет роскошной красотки – приоткрытые влажные губы, яркие, как кровь; волосы, словно разбросанные ветром, туманная поволока в чуть раскосых глазах. Глумов даже не поинтересовался, с какой целью выставлен этот портрет, он просто пожирал это лицо глазами – женщины такого типа ему всегда нравились, но доставались они почему-то всегда другим. И эта, которая на фотографии, тоже была недостижимо далеко, может быть, за тысячи километров, там, откуда он бежал сломя голову.

Глумов словно отключился. Перед его глазами вдруг потянулись темные горные цепи, на острые верхушки которых были наколоты прозрачные облака, сизый купол влажного тропического леса под ногами, кавалькада мохнатых лам, нагруженных туго набитыми мешками, индейцы в грязных накидках из грубой шерсти...

– Погоди-ка! Погоди минуточку! – вдруг услышал он за спиной звонкий и властный голос. – Глазам своим не верю! Это что, Глумов, что ли?!

Он обернулся не сразу. Сначала прикинул – голос был женский. Не сказать чтобы очень противный, но чересчур уж независимый. Таким голосом разговаривают законченные стервы. А главное, он был ему совершенно незнаком – в этом Глумов мог поклясться. Перед тем как он его услышал, хлопнула дверца машины. Что это могло значить? Мышцы его напряглись, и слегка вспотела спина. Глумов медленно обернулся.

Перед ним стояла стройная и подтянутая женщина лет тридцати, не красавица, но обладающая несомненной привлекательностью. Немалая заслуга в этом принадлежала, конечно, стилистам и модельерам, инструкторам по фитнесу и визажистам, но результат их работы заслуживал уважения. Гладкая матовая кожа, платиновые, коротко стриженные волосы, со вкусом подобранный грим, темный брючный костюм, отлично подчеркивающий пластичность фигуры, – все в этой женщине притягивало взгляд. При этом она являлась полной противоположностью красавице, изображенной на портрете, и сердце Глумова даже не дрогнуло. Точнее, оно дрогнуло, но совсем по другой причине. Он никак не мог сообразить, что это – грехи молодости или эта лощеная жизнерадостная стерва «оттуда»?

На всякий случай он любезно, но холодно сказал:

– Вы ко мне обращаетесь, мадам? Боюсь, что вы обознались. Я не Глумов. Очень сожалею.

За спиной женщины стоял какой-то блеклый молодой человек с дежурной улыбочкой на устах, по виду типичный клерк: безупречная внешность, зализанные волосы, в руках то ли кейс, то ли ноутбук. На человека «оттуда» он никак не тянул, поэтому Глумов расслабился, решив, однако, ни в чем не сознаваться.

Женщина, склонив голову набок, беззастенчиво рассматривала Глумова.

– Да нет, точно Глумов! – сказала она, пропуская его слова мимо ушей. – Ничего себе! Столько лет прошло! А ты стал настоящим красавцем! Возмужал, в прекрасной форме... И ты меня совсем не помнишь?! Совсем-совсем?

Глумов всмотрелся пристальнее, но в душе ничего не шевельнулось. Какой смысл ворошить прошлое, которого не помнишь?

– Извините, – сказал он. – Не помню. Я ведь не Глумов.

Лицо женщины странным образом дернулось – было непонятно, рассмеется она сейчас или вспылит. Глумов посмотрел на автомобиль, из которого эта красотка только что вышла. «БМВ» темно-вишневого цвета, совсем новый, – значит, дела идут неплохо – и номера московские. Следовательно, она точно не «оттуда», хотя это еще не гарантия безопасности.

– Да ладно! – со смехом сказала женщина. – Мне-то уж ты можешь не врать.

Она вдруг обернулась к молодому человеку и голосом верховной жрицы распорядилась:

– Ступай наверх и скажи, что я через пять минут буду! И больше ни слова! Я имею право на пять минут личной жизни!

Молодой человек мышкой проскользнул мимо Глумова и исчез за зеркальной дверью. Женщина приблизилась к Глумову почти вплотную. От нее пахло дорогими духами. Морщинки в уголках накрашенных губ были почти незаметны.

– Признавайся, Глумов! Я все равно тебя не выдам. Как-никак, а ты был моей первой настоящей любовью... Вот она, ирония судьбы! Оказывается, человек, по которому я сохла, из-за которого плакала ночами, меня напрочь не помнит! Понятно, все вы, джентльмены удачи, такие. Женщины для вас – игрушки, которыми вы не дорожите.

– Не понимаю, о чем вы? – уже с досадой сказал Глумов. – С чего это вы взяли, что я – джентльмен удачи?

– Да это у тебя на лице написано! – радостно объявила женщина. – В молодости ты был красивый лихой бандит. Тебе и самому нравилось быть бандитом, признайся? В те времена быть бандитом было модно, престижно, и у тебя это здорово получалось. Теперь, правда, кое-что изменилось. Тебя трудно представить в подворотне с кастетом. Я бы сказала, что в тебе появился европейский лоск. Ты заделался авантюристом международного масштаба, я угадала?... Ладно, не буду тебя томить. Помнишь Славика Перепечко? Вы иногда у него собирались, пили водку, деньгами сорили, пыль друг другу в глаза пускали. Молодые, здоровые и глупые. Решили, что мир отныне будет жить по вашим понятиям...

От неожиданности Глумов совсем забыл, что говорил раньше. Он напряг память и неуверенно проговорил:

– Ну, был такой – Славик Перепечко, помню... Угрястый такой, папаша у него какая-то шишка был – в сельхозкооперации, что ли... Себе на уме был пацан. Мы еще тогда гадали: не стукач ли он? Но вроде доказательств не было, а потом...

– Вспомнил все-таки! – торжествующе воскликнула женщина. – А говорил, не Глумов, не Глумов!.. Как я могла обознаться? Говорю же, без ума от тебя была. Да ты не бойся, если ты здесь инкогнито, я тебя не выдам по старой дружбе. Я не стукачка. Да и Славик стукачом не был, зря вы на него думали.

– А тебе откуда знать? – с досадой бросил Глумов, который злился на свой длинный язык и на эту настырную бабу, которая, похоже, действительно знала его как облупленного. – Ты девочка по вызову, что ли? Братву обслуживала?

Зеленоватые глаза женщины потемнели. Но она сдержалась и холодно ответила:

– Я – Маша Перепечко, младшая сестра Славика. Между прочим, в былые времена ты был куда галантнее, даром что бандит. Никто из братвы меня ни разу и пальцем не тронул. Я совсем молоденькая была тогда, семнадцатилетняя дура. Мне ведь и вправду казалось, что все вы настоящие герои и хозяева жизни. А ты для меня вообще был эдакой звездой. Хорошо, вовремя опомнилась. Теперь у меня рекламное агентство, я процветаю, у меня муж – известный художник, я работаю с зарубежными фирмами. Передо мной весь мир. Страшно подумать, что было бы, если бы я связала свою судьбу с кем-нибудь из вас!

– Если страшно, какого черта ты меня окликнула? – мрачно сказал Глумов.

– Старая любовь не ржавеет, – засмеялась Маша Перепечко. – А ты не рад?

– Радости полные штаны, – проворчал Глумов. – Особенно если учесть, что я не помню никакой младшей сестры. Ты не обижайся, не до того тогда было... А где сейчас Славик?

Мария презрительно покривила губы.

– Где? На кладбище лежит. Лет восемь уже. Погиб в перестрелке с ОМОНОм. Пал, так сказать, смертью героя... Отец с матерью на год его пережили. Дом, где мы жили, давно снесли. Вот так, Глумов...

Она нетерпеливо постучала носком туфельки об асфальт.

– Ну ладно, мне бежать надо, – сказала она весело. – Ты знаешь что? Ты позвони мне. Вот тебе моя визитка, тут все написано. Позвони обязательно! Мне очень хочется с тобой встретиться, поболтать, посмотреть на тебя... Ну ладно, до встречи!

И она решительным неженским шагом вошла в сверкающие двери рекламного агентства.

Глумов посмотрел на свое отражение в стекле, потом на визитную карточку, зажатую в ладони, и подумал:

«Как в кино. Я приехал черт знает откуда, с края света. А она меня все еще любит. А у нее муж. А может, это и к лучшему? Все-таки еще один вариант. Поживем – увидим».

Глава 4

Ночь выдалась не самая удачная, чтобы путешествовать. На ветровое стекло то и дело брызгал дождь. Как-то особенно тоскливо завывал ветер, и в свете фар катились по шоссе опавшие мокрые листья. Даже никогда не унывающий Крячко был молчалив и только курил сигарету за сигаретой, наполняя салон ядовитым голубым дымом. Гуров, однако, как будто не замечал этого, погруженный в свои думы.

С того дня как они со Стасом навестили Живаева, бывшего бандита, а ныне честного предпринимателя и несчастного инвалида, прошла неделя. В своих поисках человека, напавшего на сержанта милиции, Гуров с Крячко не продвинулись ни на шаг. Те надежды, которые Гуров возлагал на допрос Живаева, не оправдались. Человек, звонивший в квартиру Живаева, сразу же испарился, словно был не человеком, а бесплотной тенью. Оба милиционера, дождавшиеся возле дома, не успели его даже запомнить. Рукавишников, правда, подтвердил, что отдельные граждане в подъезд заходили, а некоторые и выходили оттуда, но поскольку приказа наблюдать за ними не было, то он этим и не занимался. А Живаев наотрез отказался признать, что гость приходил именно к нему. Он твердил одно и то же: «Ошиблись дверью», и сдвинуть его с этой позиции было невозможно. Гуров был зол и на себя, и на Живаева, и на нерасторопных коллег, но поделать ничего не мог. Единственным положительным моментом во всей этой истории было лишь сообщение из больницы, что состояние Личутина немного улучшилось, но никакой заслуги ни Гурова, ни Крячко в этом, конечно, не было.

Подозрительное поведение Живаева и странные обстоятельства, свидетелями которых они стали, подвигли Гурова установить наблюдение за любителем животных, но пока эта акция также не принесла никаких результатов.

В руках у сыщиков не осталось буквально ничего, кроме фамилии в паспорте, которую запомнил Рукавишников, и номера все того же паспорта, да и то у Гурова не было полной уверенности, что молодой милиционер правильно все запомнил. Во всяком случае, толку от этих данных было немного – практически ноль. По городу были распространены словесные портреты преступников, но выйти на их след не удалось. И лишь сегодня наконец что-то забрезжило. Причем информация пришла, как часто это бывает, совсем не оттуда, откуда ее ждали.

Телефон в квартире Гурова зазвонил в три часа ночи. Мария едва приподняла голову над подушкой и, еще не раскрывая глаз, сонным голосом сказала:

– Наверняка это тебя, Гуров! Бери!

Гуров, спавший до этого глубоким сном праведника, очнулся мгновенно. Эта привычка выработалась в нем уже давно и действовала безотказно, как инстинкт. Но для виду он пробормotal несчастным и вялым тоном:

– Почему меня? Вроде бы не должны сегодня. Но если ты настаиваешь...

Он сел на кровати и зажег ночник. Свет был золотисто-розоватый, совершенно интимный и домашний. В доме, где горит такой огонек, ничего плохого случиться не может.

Гуров посмотрел на жену – тяжелые темные пряди ее разметались по белой подушке, но лицо было спокойным – Мария до конца так и не проснулась после звонка. Гуров очень надеялся, что все окажется невинной ошибкой и ему больше не придется тревожить сон жены. В конце концов, ничего срочного он сегодня не ждал. Но по ночам действительно обычно звонили только ему.

Он взял трубку. Звонили из дежурной части. Голос был слегка виноватый – дежурный офицер не был до конца уверен, что поступает правильно, тревожа Гурова среди ночи. Но доклад его был конкретен и обстоятелен.

– Товарищ полковник, меня предупреждали, чтобы вам докладывали в любое время, если поступят сведения по тем двоим. Ну, которые в розыске по делу Личутина... Только что сообщение пришло со станции Линьково. Это километрах в восьмидесяти к северу от Москвы. Там странный случай произошел. Патруль еще вечером задержал одного местного буяна – дебош в магазине учинил, с применением холодного оружия, а именно кастета. Нанес травмы владельцу магазина, но, к счастью, не тяжелые. А когда проспался и понял, что ему светит, решил реабилитироваться. Сообщил местному дежурному, что якобы неоднократно видел в районе дачных участков разыскиваемых граждан. Утверждает, что может показать, где они скрываются. Ребята из тамошнего отделения заявляют, что в каком-то смысле верить ему можно – этот тип давно чужие дачи бомбит. Не попадался, правда, ни разу, но об этом все знают.

– Так, и что же дальше? – спросил Гуров. – Милиция уже проверила эти показания?

– Нет, они сомневаются, – ответил дежурный. – Там ведь, на дачных участках, сейчас темнотища, как у негра, гм... Да и хулиган этот доверия у них большого не вызывает. Грубо говоря, предполагают они, что врет он. А дело все-таки серьезное, поэтому они с нами и связались – как лучше поступить, спрашивают.

– Ну и что вы им посоветовали? – поинтересовался Гуров.

Дежурный офицер замаялся.

– Откровенно говоря, я тоже считаю, что ночью там искать бесполезно, – сказал он. – А с другой стороны, меня инструктировали, чтобы по этому поводу немедленно ставить вас в известность. Вот я и ставлю, товарищ полковник.

– Понятно, – усмехнулся Гуров. – Озадачил товарища полковника посреди ночи и доволен? Пусть теперь ломает голову и принимает решение!

– Виноват! – сказал дежурный. – Но было распоряжение...

– Да нет, все правильно, капитан! – серьезно сказал Гуров. – Благодарю за службу, как говорится. Ты вот что сделай – свяжись с этим, как его, Линьковым, и предупреди, что мы обязательно к ним подъедем. Думаю, часам к пяти-шести утра. Если этот буян не соврал и те, кого мы ищем, действительно там прячутся, то брать их лучше всего ранним утром. В этом смысле все складывается как нельзя лучше.

– Если только это не липа, – мрачновато заключил дежурный. – Зря съездите, товарищ полковник, намучаетесь!

– Пожалел волк кобылу, – проворчал Гуров. – Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов. От тебя теперь мне единственное утешение нужно – обязательно линьковских предупреди, чтобы без меня ничего не предпринимали.

– Да что они предпринимать будут? – снисходительно заметил дежурный. – Их там по пальцам пересчитать. А дежурит и вовсе один милиционер. Он, конечно, в принципе мог бы поднять начальника, но счел более благоразумным нас потревожить...

– Но это и в самом деле самый разумный вариант, – сказал Гуров. – Тут все правильно.

Пока он одевался, стараясь производить как можно меньше шума, выяснилось, что Мария спит вовсе не так крепко, как ему казалось. Она открыла глаза как раз в тот момент, когда он прилаживал наплечную кобуру. Глаза были ясные.

– Интересно, – произнесла Мария глубоким задумчивым голосом. – Кто-то тут говорил, что этот звонок никого не касается и никаких событий не предвещает? И что же в итоге? Бряцанье оружием и суровые мужские лица. Это так серьезно?

– Скорее всего, это просто пустышка, – примирительно сказал Гуров. – Пара часов езды по шоссе и небольшой променад в облетающих садах. Но не поехать я не могу – сам навязался. Помнишь, я рассказывал тебе про нападение на сержанта? Преступники как в воду канули. А теперь вроде бы их видели на станции Линьково в районе дачных участков. Информация ненадежная, но в нашем положении нужно пользоваться любой возможностью.

Он набросил пиджак на плечи и наклонился к жене.

– Ну что ж, теперь до вечера, – сказал он, целуя ее в щеку. – Когда вернусь из Линькова, позвоню тебе в театр, чтобы ты не беспокоилась. Хотя, собственно, повода для беспокойства и нет.

– Позвонить жене – это сам по себе повод, – категорически заявила Мария. – Это так же верно, как то, что пистолет под мышкой и ночные прогулки по садам не самый лучший способ успокоить жену.

– Пистолет – это всего лишь антураж, без которого нет профессии, – посмеиваясь, заявил Гуров. – Как, например, у вас в театре не бывает артиста без грима, так не бывает и мента без пистолета. Это ничего не значит.

В сущности, так оно и было. Оружие Гуров прихватил для порядка: все-таки намечалось что-то похожее на операцию захвата, но шансов на то, что операция состоится, было до обидного мало. Нужно было отдать должное милиционерам со станции Линьково – они проявили удивительную для столь позднего часа бдительность, но рассчитывать на компетентность и искренность пьяного дебошира не приходилось. С пьяных глаз он мог наговорить чего угодно.

Гуров связался по дороге с дежурной частью и выяснил, что милиция в Линькове уже предупреждена о предстоящем визите и никаких новых сообщений оттуда больше не поступало. Значит, ситуация законсервировалась в прежней неопределенности. К утру выяснится, что местный алкаш все выдумал, и они с Крячко с чистой совестью поедут домой.

Через час они въезжали на окраины поселка, смыкавшегося с железнодорожной станцией. На фоне двух ярких фонарей у переезда было хорошо видно, как моросит дождь. Воздух был наполнен клубящейся водяной пылью и холодными ослепительными искрами. Поселок спал, но на освещенной площадке возле станции их поджидал милиционер в помятом плаще. Это был худощавый, лет сорока мужчина с залысинами на лбу и с печалью в глазах. Когда Гуров притормозил, милиционер уверенно направился к машине и взял под козырек. Они поздоровались.

– Старший лейтенант Ганичкин, – представился милиционер. – Меня уже предупредили, товарищ полковник. Я сегодня на дежурстве, вот и заварил всю эту кашу... – голос его звучал виновато. – Потревожили вас, а скорее всего, зря. Ванька Плющ – человек ненадежный. Руками махать да языком трепать – вот и все его таланты. Теперь вот опять накуролесил – человеку чуть челюсть кастетом не сломал.

– Прошу прощения, Плющ – это кличка? – поинтересовался Гуров.

– Фамилия такая, – грустно сказал старлей. – Мы к нам, наверное, поедем? Чего время тянуть? Тут недалеко.

Он сел в машину и стал показывать, куда ехать.

– Так бы и до утра можно было потерпеть, – попутно объяснил он. – Но до нашего сведения довели, чтобы об этих двоих мы безотлагательно сообщали. Не знаю, как кто, а я привык исполнять указания. Сейчас вообще все уже на ногах и начальник приехал. Поселок у нас сравнительно большой, личного состава десять человек. Один только в отпуске сейчас... Все вас ждут.

Действительно, здание, в котором располагался линьковский ОВД, было ярко освещено, и на крыльце курили двое хмурых милиционеров. Гурову показалось, что на подъехавший автомобиль они посмотрели с откровенной неприязнью, но встретили гостей с выраженным пиететом и большей частью помалкивали. Появился и начальник, капитан милиции, несколько помятый и невыспавшийся, но старавшийся держаться приветливо и деловито. Он тоже посетовал на неприятные обстоятельства – ночь, погода и так далее, – но тоже не забыл подчеркнуть, как четко у них в Линькове исполняются инструкции.

– Ладно, капитан, не разбегайся – прыгай! – сказал ему Гуров, которому уже надоели бесконечные оправдания. – Во-первых, где тут ваш Плющ и где тут ваши дачные участки?

Капитан обреченно махнул рукой в темную ночную даль и вздохнул:

– Так-то дачные участки сразу за поселком начинаются, но ведь этот бандит говорит, что видел этих двоих на старых дачах, а это километров пять, и по плохой дороге. Наверное, лучше на нашем «УАЗе» ехать, зачем вашу иномарку бить? Другой вопрос, сколько в «УАЗ» народу поместится? Плюща брать надо? Вы двое, водитель... Вот и получается, что дать я вам могу всего одного человека.

– Меньше народу – больше кислороду, – вставил Крячко. – Главное, чтобы водитель обратно дорогу нашел и чтобы бензин раньше времени не кончился. А то, когда на плохой дороге кончается бензин, настроение совсем не то делается...

– Думаю, втроем мы управимся, – добавил Гуров. – Было бы с чем. А возьмем мы с собой, если позволите, вашего старшего лейтенанта. Все-таки он у нас герой дня. И давайте сюда вашего хулигана. Скоро уже светать начнет, тянуть некуда.

Капитан, несмотря на помятость, действовал оперативно. Не успели они и глазом моргнуть, как подъехал милицейский «УАЗ», довольно крепкий с виду, и привели всклокоченного детину с блуждающим взглядом. На детине были спортивные штаны с вытянутыми коленями, обвисший пиджак и сразу под пиджаком грязная вылинявшая тельняшка.

– Моряк, что ли? – с любопытством спросил Крячко, разглядывая детину.

– Он, было дело, в морской пехоте служил, – объяснил старший лейтенант Ганичкин. – Когда демобилизовался, орлом смотрел, все девки его были. А теперь что – один позор. И мундир позорит, и свой человеческий облик... – Ганичкин махнул рукой.

– Я мундира не позорил, начальник! – хрипло и тоскливо прогудел детина. – У меня грамота от командования имеется, и ты ее своими мослами не трогай! А мой облик только меня касается. Может, у меня трагедия в личной жизни...

– Ну, личные трагедии – это не наша грядка, гражданин Плющ, – перебил его Гуров. – Мы тут по делу, да и время для сантиментов не самое подходящее. Так что давай самую суть. Еще раз взгляни на эти два портрета и скажи: видел ли ты этих людей?

Плющ, которому как раз приспичило говорить о своей личной жизни, с большой неохотой посмотрел на снимки, которые Гуров привез с собой.

– Ну видел я этих фраеров, – буркнул он. – Сто раз уже начальнику доложил этот факт. Еще раз надо? Я хоть и пью, но мозги еще не пропил. И глаз у меня четкий – один раз увидел, значит, на всю жизнь, понятно?

– Чего ж тут не понять, – мирно согласился Крячко. – «Уникум» это называется. Один в уме шестизначные числа перемножает, другой взглядом утюги двигает, а ты вот раз увидел, и теперь до самой смерти эти физиономии с тобой будут. И где ты их видел, бедняга?

Плющ подозрительно посмотрел на него, а потом на начальника местной милиции.

– Уговор такой был, – угрюмо сказал он. – Я вам этих кренделей сдаю, а вы меня подчистую отпускаете. Баш на баш, как говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.